

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

УДК 821э161.1.

М. Н. Климова

Россия, Томск

«РУССКИЙ ИЗВОД» МИФА О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ

Статья посвящена русской версии популярной архаико-мифологической модели «покаяние и спасение великого грешника». Интернациональное по происхождению и идейной направленности, это историко-культурное явление стало одним из фундаментальных мифов русского сознания. При анализе особенностей «русского извода» мифа о великом грешнике основное внимание уделяется проблемам его литературной адаптации писателями-классиками. К их числу относятся проблема художественного воплощения идеального героя, конфликт Божьего Суда и земного правосудия, дилемма между аскетизмом и альтруизмом, соблазны «дурной бесконечности» покаяний и получения прощения без раскаяния. Общие закономерности процесса показаны на примерах из произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. М. Шукшина и других признанных мастеров русской литературы.

Ключевые слова: христианство и литература, русская литература, международные сюжеты, сюжетная схема, национальные мифы, житийные традиции.

В течение долгого времени основным предметом научных изысканий автора статьи являются литературные отражения популярной архаико-мифологической модели «покаяние и спасение великого грешника». Это историко-культурное явление интернационально по своему происхождению и идейной направленности, поскольку в его основе лежит один из древнейших сюжетов мировой литературы – «путешествие человека в царство смерти», а Благая Весть Иисуса, придавшая этому архаичному сюжету новую актуальность, была изначально адресована грешному человечеству. Русь восприняла эту культурную модель вместе с восточной версией христианства, тогда же юная русская словесность получила в наследство из Византии и библейские первообразы, и житийные образцы ее художественного воплощения. С течением времени и в силу определенных причин модель так глубоко вросла в духовную жизнь русского народа, что превратилась в один из фундаментальных мифов нашего национального сознания. Великая русская литература, в свою очередь, запечатлела миф о великом грешнике в столь совершенных художественных образах, что в глазах читающего мира даже сама

Климова Маргарита Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая сектором Научной библиотеки Томского государственного университета (ул. Ленина, 34-а, Томск, 634050, Россия; Klimov.1955@inbox.ru; Klimova@lib.tsu.ru; +7 (382 2) 53 99 10)

Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 37–43.
© М. Н. Климова, 2014

ситуация раскаяния преступника приобретала порой своеобразный «русский оттенок» [1]. Предлагаемая статья посвящена отечественной версии *мифа*, а также проблемам художественной адаптации этой версии русской классической литературой.

Начать следует с того, что явление, условно названное нами *мифом о великом грешнике*, в своем литературном воплощении обладает устойчивой внутренней структурой, основанием которой служит богословская триада «грех – покаяние – спасение». Вопреки утверждению одного из наших предшественников в изучении феномена Р. Г. Назирова [2, с. 38–41], феномен этот не является фабулой или сюжетом, а относится к более высокому, сверхсюжетному уровню, обладая структурой не только устойчивой, но и достаточно гибкой и принципиально открытой для любого сюжета, указанной триаде потенциально соответствующего. (В системе современной литературоведческой терминологии подобные явления относятся к категории «сюжетная схема» [3, с. 258].) В ряду сюжетов, вовлеченных в орбиту *мифа о великом грешнике*, можно назвать «Эдипов сюжет», донжуановский и фаустианский мифы, сюжеты о спасении блудницы, влюбленном демоне, великодушном муже, уступающем любимую сопернику, и другие. Обнаружен нами и случай авторского опыта христианизации сюжета, не ставший традицией, – повесть М. П. Погодина «Преступница» (1830), трактующая в христианском духе популярный сюжет о купеческой дочери и дворнике (СУС *992) [4, с. 253].

Хотя соответствие триаде «грех – покаяние – спасение» является необходимым условием принадлежности того или иного сюжета к сфере *мифа*, значимость отдельных ее частей в разных культурах варьировалась. Например, раннехристианские жития нередко сообщали о былых прегрешениях своих героев стыдливой скороговоркой, а легенды зрелого западноевропейского средневековья, напротив, громоздили одно на другое злодеяния своих персонажей, превращая их в совсем уже фантастических чудовищ. «Фирменный знак» русской версии *мифа о великом грешнике* – принципиальная неразработанность третьего звена триады («спасение») и открытый финал. Нравственно прозревший герой оставляется повествователем на пороге новой жизни, в преддверии грядущего «подвига человеколюбия». Впрочем, известны и случаи нарушения этого общего правила – плутовской роман В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз» (1814), «Тысяча душ» А. Ф. Писемского (1858) и рассказ М. Горького «Отшельник» (1922). Общая черта перечисленных произведений – отсутствие среднего звена триады («покаяние»); кроме того, в «Российском Жилблазе» и «Отшельнике» изменена хронология событий: повествование начинается изображением просветленного героя в его новой ипостаси, далее он рассказывает о своих былых грехах, но причины переворота в его душе остаются неясными. Последствия нарушения исходной схемы в каждом случае проявились по-разному. Интересно начатый роман Нарезного, ранний отечественный опыт освоения *мифа* по западному образцу, так и не был дописан. В произведении А. Ф. Писемского, принадлежащем к редкой для отечественной традиции разновидности «делового» романа, автору удалось показать неизбежность моральной капитуляции молодого честолюбца в его погоне за пресловутой «тысячью душ». Однако четвертая часть романа, в которой достигший высот карьеры Калинович неожиданно превращается в незадачливого борца с казнокрадством, поражает своей неубедительностью, ибо в ситуациях, когда средневековый агиограф обошелся бы лаконичной отсылкой к неисповедимой Божьей воле, русский классический роман с его традиционной установкой на «правду жизни» нуждался в психологических мотивировках. Особенно интересен случай с рассказом Горького, не только завершенным автором, но и относящимся к числу его несомненных творческих достижений. Герой рассказа, Савел-пильщик, неко-

гда грешник-кровосмеситель, становится в конце жизни отшельником-утешителем людей, и его деятельность на этом поприще изображена убедительно и ярко. Однако мотив его покаяния редуцирован автором почти до полного исчезновения, о грехе же говорится полунамеками, так что исходная сюжетная схема восстанавливается в горьковском тексте лишь после некоторой реконструкции [5]. Показательной в этом контексте представляется нам и незавершенность целого ряда произведений русской классической литературы, *миф о великом грешнике* активно использующих («Мертвые души», «Братья Карамазовы», «Кому на Руси жить хорошо», «Отец Сергий» и др.).

Эта особенность «русского извода» *мифа* объясняется не только естественной робостью писателей перед изображением идеала. Ю. М. Лотман считал тяготение отечественной классики к открытым финалам признаком ориентации русского романа на циклическую модель мифа (в отличие от романа европейского, основанного на линейной модели сказки) [6, с. 333–334]. На наш взгляд, в этих открытых финалах нашла отражение и «соборность» национального сознания, несомненная для русской ментальности взаимозависимость судьбы индивида и людского сообщества. В отличие от своих житийных предшественников «великие грешники» русской литературы не могут удовлетвориться личным спасением вдали от проблем несовершенного мира, и даже итоговый для агиографии монастырь их душевного спокойствия вовсе не гарантирует. Не без оснований подозревая в побуждениях отрекающихся от мира эгоизм, гордыню или тайную мизантропию, русские авторы противопоставляют аскетизму активную доброту «подвижников в миру», забывающих о себе в заботах о других. Подтверждение тому контрастные пары старец Зосима и молчальник Ферапонт Достоевского, скоморох Памфалон и столпник Ермий Лескова, Папенька и отец Сергий Льва Толстого. Залогом спасения отдельной личности отечественная словесность провозглашает не монастырское уединение и аскетические подвиги, а самоотверженное служение ближнему, включая сражение за «чужую волю» и гибель «за други своя».

Обмирщение этой религиозной модели таило в себе по меньшей мере два опасных соблазна. Реализацию первого – привычное чередование грехов и покаяний, зарубежные исследователи «загадочной русской души» от З. Фрейда до Дж. Биллингтона считали одной из характерных черт нашего национального характера. (Художественное воплощение эта точка зрения нашла в известном стихотворении А. А. Блока «Грешить бесстыдно, беспробудно...».) Нам, впрочем, думается, что это спекулятивное представление о русской религиозной жизни берет начало в полемических антиправославных сочинениях времен межконфессиональных прений, найдя подкрепление в мифологизированном образе первого из русских царей, Ивана Грозного, активного участника этих прений. Однако реальные религиозные практики человека русского средневековья были иными. Некоторые косвенные данные говорят о том, что наши далекие предки могли годами пренебрегать таинством исповеди, откладывая покаяние едва ли не до смертного часа и надеясь, подобно евангельскому Благоразумному разбойнику, смыть грехи всей жизни разом [7]. О том, что подобная практика не потеряла значение и в Новое время, свидетельствует высказывание такого глубокого и нелицеприятного знатока народной жизни, как Н. С. Лесков: «Жить и грешить, а когда умирать станешь, тогда раскаяться и снискать “овреол”, – такой конец был и остается для людей русской религиозной культуры целью жарких желаний» [8, с. 195]. Кстати, внутри модели *мифа* «дурная бесконечность» покаяний также не срабатывает – метаморфозы души «великого грешника» слишком радикальны по своим последствиям, чтобы выдерживать их неоднократно.

Осуществление другого соблазна, получения прощения без раскаяния, описано в романе Достоевского «Идиот». На первый взгляд, образ его главного героя должен был «напомнить о Христе» современникам Достоевского. Например, отношение князя Мышкина к Настасье Филипповне кажется парафразом евангельского эпизода спасения грешницы. Но вскоре благие намерения «князя-Христа» обнаруживают свою несостоятельность. С готовностью прощая окружающим их многочисленные прегрешения, Мышкин не может понять, что эффективность его прощению придает лишь встречное душевное движение прощенного. Поэтому после спасения «петербургской Магдалины» от погибельного торга, он говорит ей не евангельское «Иди и больше не греши», а нечто противоположное по смыслу «Вы ни в чем не виноваты». Но душа терзаемой бесами гордыни и ожесточения Настасьи Филипповны ощущает неправоту его слов, и их мучительное несоответствие реальности фактически сводит ее с ума. Столь же катастрофичны последствия «мессианства» князя и для других героев романа – Рогожина, Ипполита, Аглаи, что, в конечном счете, приводит к жизненному крушению и его самого [9].

Обращаясь к отечественной версии *мифа о великом грешнике*, русские авторы тем самым были вынуждены в очередной раз дать свои ответы на целый ряд животрепещущих вопросов эстетического и философского характера. Например, как придать жизненную убедительность образу положительного героя-«спасителя» и совместить верность христианским идеалам такого персонажа с его активной деятельностью в мирской жизни, как определить допустимые границы сопротивления человека окружающему злу или примирить присущую ему потребность в Божественной справедливости с буквой «слепого человеческого правосудия» и т. д. и т. п. Особенности «русских ответов» на некоторые из этих вечных вопросов освещены в наших прежних работах [10; 11]. В пределах же данной статьи остановимся чуть подробнее на последствиях художественного освоения русской версии *мифа* в деле решения, вероятно, сложнейшей из задач искусства – изображения идеала.

В русском художественном сознании общая сложность этой задачи усугублялась его ранее упомянутой установкой на следование «правде жизни» и национальным максимализмом, с которым это требование было художниками воспринято. В истории отечественной словесности один из самых драматичных тому примеров – судьба автора поэмы «Мертвые души», как личную трагедию пережившего невозможность оживить мертворожденные образы идеальных помещиков и чиновников второго тома. По счастью, в творческом сознании Гоголя религиозный идеализм с его благими, но заведомо бесплодными намерениями соседствовал с гениальной интуицией художника, осязая находящего верную дорогу, и одно из озарений этого художника коснулось именно проблемы «добродетельного», по выражению самого Гоголя, героя. Утверждая в заключительной главе первого тома своей поэмы, что современная ему литература добродетельного героя «заездила», великий писатель, конечно, лукавил – на умозрительной схеме вместо лошади далеко не уедешь! Зато присутствие в конской упряжи «птицы-тройки» «подлеца Чубарова» представляется нам весьма символичным (несмотря на скверный нрав коня, практичный Чичиков почему-то не захотел с ним расстаться). Важная роль в общем замысле поэмы отводилась и самому Павлу Ивановичу, судя по устойчивым житийным аллюзиям, связывающим его лукавый образ с самим апостолом Павлом. Впрочем, о дальнейшей судьбе Чичикова остается лишь строить догадки: читатель расстается с ним в момент душевного кризиса под влиянием ареста. Весьма возможно, что автор готовил своему предприимчивому герою благодатное и многообещающее поприще игумена или монастырского эконома, которое обратило бы его деловую хватку, навыки прак-

тической психологии и даже математические способности на благо иноческого общежития. Хотя любовь Павла Ивановича к комфорту осложнила бы ему соблюдение монастырских правил, жизнь преображенного героя за пределами монашеской обители явно не предполагалась. (Позднее одной из сквозных тем отечественной словесности от Николая Лескова до Федора Абрамова станет изображение парадоксального и нередко окрашенного трагизмом существования праведника-альтруиста именно в миру.)

Однако архитектоника гоголевского замысла, ориентированного сразу на два европейских литературных образца – «Божественную комедию» и плутовский роман «жилблазовского» типа, была «расшифрована» лишь в конце прошлого столетия [12, с. 300–324]. Изолированное чтение и изучение первого тома «Мертвых душ», включенного во все школьные программы, нередко сопровождалось искажением общего смысла поэмы. Яркое тому доказательство – известный рассказ В. М. Шукшина «Забуксовал» (1971). Герой рассказа, сельский интеллигент Роман Звягин после работы слушает, как сын-школьник механически учит наизусть к завтрашнему уроку знаменитую «Русь-тройку». Только сейчас Роман по-настоящему осознает красоту и силу этих строк, почему-то наводящих на грустные мысли о быстротечности собственной жизни, и вдруг его пронзает неприятная догадка: едет-то в этой чудесной тройке... «прохиндей и шулер» Чичиков! Это кажется персонажу Шукшина столь «неправильным», что Роман бежит за разъяснениями к школьному учителю, но тот лишь удивляется его странному взгляду на хрестоматийный текст и объясняет, что увлеченный быстрой ездой, Гоголь попросту забыл о своем герое. (Объяснение более чем сомнительно: глава, завершающаяся знаменитым фрагментом, почти целиком посвящена Чичикову, который, кстати, и отдает распоряжения о подготовке «птицы-тройки» к предстоящему ей полету.) Не удовлетворенный ответом, герой рассказа остается в тревожном и горестном недоумении.

Конечно, легко упрекнуть Романа Звягина в поверхностном знании гоголевского текста – ведь даже в первом томе поэмы образ Чичикова характеристикой «прохиндей» явно не исчерпывается, да и в шулерстве он обвинен незаслуженно. Но сельский ли механик виноват в том, что упрощенно-шаблонные представления о национальной литературе, культуре, истории насаждались десятилетиями! Ведь недоумение героя, кажется, разделяет его гуманитарно образованный автор (во всяком случае, оба они не возражали бы, окажись на месте Чичикова... Стенька Разин). Заметим, впрочем, что вне зависимости от непростой судьбы гоголевской поэмы трехчастная модель авантюрного повествования с раскаявшимся героем в русском художественном сознании присутствовало давно и прочно. Известно, что критики тридцатых годов прошлого века настоятельно рекомендовали И. Ильфу и Е. Петрову дописать третью часть к их дилогии об Остапе Бендере, в которой «великий комбинатор» пополнил бы ряды строителей нового общества. Соавторам пришлось приложить немало усилий, чтобы под благовидным предлогом отбиться от этого предложения, их герою явно противопоказанного [13, с. 298–299].

Гениальная гоголевская догадка «припрячь подлеца» к благородному делу улучшения нашего несовершенного мира получила явное продолжение. Одним из основных итогов встречи русской словесности с *мифом*, явилось открытие, что для убедительности положительного персонажа он должен пройти путем великого грешника, т. е. на собственном опыте познать страшную силу зла и его опасное очарование, а также победить это зло в своей душе. Ф. М. Достоевский, немало думавший о путях создания образа «положительно прекрасного героя», после блистательно провалившегося эксперимента с «князем-Христом» обратился к замыслу грандиозной эпопеи с показательным названием «Житие великого

грешника». Герою этого «жития» предстояло пройти все соблазны и заблуждения современного ему общества, чтобы в конце жизни «укрепиться в Христе». Не осуществленный буквально, этот замысел раздробился на множество вариантов в трех последних романах писателя. Особенно интересны итоги авторских исканий в «Братьях Карамазовых». Даже кроткий и просветленный своею радостной любовью к окружающему миру схимник Зосима волею автора оказывается здесь неразрывно связанным с грехами этого мира. Указанием на то служит «опередивший естество» тлетворный дух, исходящий от сухонького тела усопшего праведника к немалому соблазну собравшихся паломников, но в полном соответствии с учением самого старца о всеобщей взаимной вине. В течение одного дня, описанию которого посвящена седьмая часть романа, названная его именем, проходит путь великого грешника и любимый ученик Зосимы. Восприняв скандал у гроба как неза заслуженное посрамление учителя, Алеша по-карамазовски бурно готов ответить на эту явленную свыше «несправедливость» неприятием Божьего мира, но от окончательного падения его спасает «луковка», поданная «инфернальницей» Грушенькой. Чудесные исцеления, столь ожидаемые собравшимися у гроба старца монахами и мирянами, действительно происходят – но почти неприметные для внешнего взора исцеления душ человеческих от греховных недугов ожесточения и гордыни. Одно лишь известие о кончине Зосимы вызывает самопроизвольное «изгнание семи бесов» из мятущейся души «блудницы» Грушеньки (свидетельство об этом чуде вложено автором в уста злобного циника Ракитина). Сестринское сочувствие и поддержка, столь неожиданно полученные Алешей на самом краю бездны охватившего его отчаяния, оживляют в его душе уроки незабвенного учителя и подтверждают их правоту. Вернувшийся в монастырь Алеша во время бдения у гробы Зосимы в «тонком сне» становится участником евангельского пира в Кане Галилейской, чтобы при пробуждении с новой силой ощутить свою кровную связь с миром и личную ответственность за все, в нем происходящее. Только теперь он готов к выходу в мир, на которое благословил его учитель!.. К сожалению, внезапная смерть Достоевского помешала раскрытию потенциала, заложенного в его «главном, хотя и будущем герое».

Таким образом, изучение «русского извода» *мифа о великом грешнике* открывает новые грани хорошо знакомых произведений классической литературы, позволяя выявить ранее неясные закономерности ее развития.

Список литературы

1. *Климова М. Н.* «Русская версия» «мифа о великом грешнике» в зарубежной литературе XX века // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 6 (50). С. 71–74.
2. *Назирова Р. Г.* Традиции Пушкина и Гоголя в русской литературе: сравнительная история фабул: Дис. ... д-ра филол. наук в виде научного доклада. Екатеринбург, 1995. 49 с.
3. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, Интрада, 2008. 360 с.
4. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
5. *Климова М. Н.* Отражение мифа о великом грешнике в рассказе А. М. Горького «Отшельник» // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2000. Вып. 6 (22). С. 39–42.

Климова М. Н. «Русский извод» мифа о великом грешнике

6. *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 325–344.
7. *Живов В. М.* Русский грех и русское спасение. URL: <http://polit.ru/article/2009/08/13/rokojanije/> (дата обращения 25.05.2014).
8. *Лесков Н. С.* О литературе и искусстве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 286 с.
9. *Левина Л. А.* Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века. М.: Классика плюс, 1996. С. 343–368.
10. *Климова М. Н.* Влас, Кудеяр и другие (по поводу «спора о великом грешнике» в русской литературе) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 232–243.
11. *Климова М. Н.* Тюремно-лагерный локус русской литературы в контексте мифа о великом грешнике // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы Вторых и Третьих культурологических чтений. Омск: Амфора, 2013. С. 48–52.
12. *Манн Ю.* В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 411, [1] с.
13. *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая (избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 403, [5] с.

M. N. Klimova

Tomsk, Russian Federation

RUSSIAN VERSION OF THE «GREAT SINNER» MYTH: PROBLEMS OF FICTIONAL ADAPTATION

This article is devoted to Russian version of a common archaic mythological model «repentance and salvation of a great sinner». This historical cultural phenomenon is international by its origin and ideological orientation. It's become one of fundamental myths of Russian consciousness. In the article are analyzed main peculiarities of Russian version of the «great sinner» myth with specific emphasis on its fictional adaptation by classical writers. Which includes problem of fictional personification of perfect character, conflict between the Court of God and human judgment, dilemma between asceticism and altruism, temptation of endless repentance and getting forgiveness without any penitence. Main trends of its process is shown with the works of N. V. Gogol', F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, L. N. Tolstoy, M. Gorky, V. M. Shukshin and others.

Keywords: Christianity and literature, Russian literature, international plots, scheme of a plot, national plots, hagiographic traditions.

Klimova Margarita N. – candidate of philology, leader-sector if the Scientific Library of Tomsk State University (Lenin Ave., 34-a, 634050, Tomsk, Russian Federation; Klimov.1955@inbox.ru; Klimova@lib.tsu.ru; +7 (382 2) 53 99 10)